

вание сокращением пышного титула «протопроедр протосинкеллов», бывшего торжественным вариантом титула «синкелл»¹⁶. Во всех случаях дословным переводом термина «протопроедр» было бы русское «советник».

Подтверждением именно такому пониманию этого титула может служить оформление буллы митрополита Ефрема. На ней изображен не патрональный святой владельца печати и не обобщенная церковная эмблема, а архангел, имя которого могло бы указывать на то высшее лицо, советником, протопроедром которого был владельца печати. Для киевского митрополита таким высшим лицом мог быть либо константинопольский патриарх, либо киевский князь.

Решая прежде вопрос в пользу принадлежности буллы Ефрему Переяславскому, мы исходили из того, что в указанные годы (1092—1096) в Константинополе не было патриарха с «архангельским» именем. Напротив, киевский стол в этот период был занят Святополком Изяславичем, носившим крестильное «архангельское» имя Михаил. Обозначенная на печати схема (Ефрем — протопроедр Михаила), таким образом, оказывалась в формальном соответствии со взаимоотношениями князя и предположенного киевского митрополита¹⁷.

Однако это построение не лишено слабостей, главная из которых заключается в том, что Ефрем Переяславский и позже предположенного посвящения в киевские митрополиты продолжает выступать в летописных рассказах как переяславский епископ. Летопись вспоминает его в связи со строительством в Переяславле и Суздале. Он сподвижник Владимира

Мономаха, а не Святополка Изяславича. Предположение о том, что, нося номинальный титул киевского митрополита, Ефрем остался в Переяславле, высказанное к объяснению этого противоречия, спорно, так как оно ни в коей мере не объясняет, почему, сидя в Переяславле, осуществляя тем самым откровенную антисвятополковскую политическую акцию, Ефрем на своей булле демонстрирует знаки зависимости от Святополка. Было бы совершенно непонятно, почему такая необычная коллизия осталась за гранью внимания летописца, который достаточно подробно рассказывает о событиях конца XI в.

Еще раз обратим внимание на именование Ефрема «Греком» в сообщении Густынской летописи. Поскольку Ефрем Переяславский греком не был в отличие от Ефрема середины XI в., можно с уверенностью говорить о том, что искусственное сообщение 1092 г. основано на материале списка киевских митрополитов, в котором упоминался Ефрем Грек, т. е. митрополит 1054—1068 гг., вовсе пропущенный в погодных рассказах наших южных летописей.

Отвергая, таким образом, первоначально предложенную датировку буллы Ефрема 90-ми годами XI в., мы располагаем лишь одной возможностью датировать ее временем достоверного киевского митрополита Ефрема, занимавшего кафедру в 1054—1068 гг. В этот промежуток времени киевским князем был Изяслав Ярославич с крестильным именем Димитрий. Печать Ефрема, следовательно, не выражает идеи подчинения ему митрополита как советника, тем более что присылка из Константинополя Ефрема, как это общепризнано, была результатом укрепления на Руси греческой церкви после удаления с киевской кафедры русина Илариона.

Высказавшийся в пользу ранней датировки буллы митрополита Ефрема А. Поппе сопоставил даты святительства Ефрема (1054—1068 гг.) с датами современных ему константинопольских патриархов и византийских императоров и показал, что смысловое содержание печати митрополита Ефрема может быть раскрыто двойным способом. Современником Ефрема, во-первых, был знаменитый патриарх Михаил Кируларий (1043—1058 гг.), сыгравший одну из ведущих ролей в историческом акте разделения церквей в 1054 г., и, таким образом, Ефрем может быть признан протопроедром патриарха Михаила. Однако другим современником Ефрема был император Михаил VI Стратиготик (1056—1057 гг.), поэтому возможно и альтернативное решение о том, что на печати киевского митрополита помещена личная эм-

¹⁶ V. Laurent. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin, p. 148.

¹⁷ В связи с рассматриваемым вопросом небезынтересно отметить, что «Повесть временных лет» излагает иную версию получения Студийского устава в Печерский монастырь, нежели Патерик. Согласно Патерику, устав был привезен из Константинополя специально посланным «единым от братии блаженным» от Ефрема Скопца, переписавшего его для Феодосия («Киево-Печерский патерик». Под ред. Д. И. Абрамовича. Киев, 1913, стр. 39; отметим фразу «Повести временных лет» о Ефреме Переяславском: «Сии бо Ефрем бе скопец, высок телом», под 1089 г.). «Повесть временных лет» рассказывает, что устав был «обретен» у некоего студийского чернеца Михаила, пришедшего в Киев вместе с митрополитом Георгием. Д. С. Лихачев выдвинул предположение, что Михаил и Ефрем — два имени одного и того же чернеца («Повесть временных лет», ч. 2. М.—Л., 1950, стр. 385—386). Такое толкование можно было бы привлечь к объяснению буллы Ефрема, однако нам не известно, чтобы при пострижении кому-нибудь давалось два имени. Очевидно, здесь имеют место две версии легенды — антигреческая печерская и греческая митрополичья.